

**Explorations in nominal inflection / G. Müller, L. Gunkel, G. Zifonun (eds.).** Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. – vi + 405 p.

Рецензируемый сборник “Исследования по именному словоизменению” издан группой немецких лингвистов на основе материалов тематических конференций, прошедших в 2002–2003 гг. В нем собраны одиннадцать статей разных авторов, работающих в рамках различных формальных теорий (теории оптимальности, “словесно-парадигматической” морфологии, “минималистской программы” и др.);

сборник посвящен грамматическим категориям имени, их синтаксическому поведению и формальному выражению морфологическими средствами. Особое внимание в сборнике уделяется взаимодействию морфологического и синтаксического компонентов грамматики; именное словоизменение, непосредственно связанное с такими понятиями, как падежное управление, согласование и др., является хоро-

шим полем для исследования такого рода проблем. В сборнике можно отметить по меньшей мере два “лейтмотива” – две группы фактов, к которым регулярно возвращаются авторы статей, и разные, иногда полностью противоположные трактовки которых они предлагают: распределение словоизменительных показателей в именных группах<sup>1</sup> в немецком языке, где наблюдается сложное взаимодействие морфологических и синтаксических факторов, и структура словоизменительных парадигм имени в русском языке. В связи с последним нельзя не посетовать на то, что ни в одной из статей, где разбирается русский материал, и авторы которых, судя по всему, владеют русским языком, нет ссылки на основополагающую монографию [Зализняк 1967/2002], приняв которую во внимание, авторы могли бы добиться более точных результатов и более убедительных трактовок.

Сборник начинается с довольно обширного Введения (с. 1–20), написанного редакторами, где обсуждаются рассматриваемые в книге вопросы и разные подходы к ним, а также характеризуются основные понятия, такие как словоизменительный класс, синкретизм (омонимичное выражение разных значений словоизменительных категорий или их комбинаций), парадигма и др. Среди проблем, связанных с указанными понятиями, выделяются следующие: (i) Можно ли свести словоизменительные классы имени в разных языках к более “содержательным” категориям, релевантным для синтаксиса, таким как род, тем самым избавив грамматику от признаков, играющих роль лишь в морфологическом компоненте? (ii) Можно ли обнаружить систему за глубоко идиосинкратическими моделями омонимии словоизменительных показателей имени во флективных языках и вывести эти модели, например, из естественных классов признаков и иерархий маркированности, которые образуют именные категории? (iii) Является ли понятие “парадигмы” автономным и необходимым для описания и объяснения морфологических явлений, или же оно является не более, чем удобным и наглядным способом представления материала, не играющим никакой самостоятельной роли в теории? На эти и другие вопросы авторы включенных в сборник статей отвечают существенно разными способами.

Статья известного английского морфолога Дж. Блевинса “Inflectional classes and economy” (“Словоизменительные классы и экономия”) посвящена одной из центральных проблем морфологии – вопросу о природе словоизменительных типов и возможным ограничениям на их внутреннюю структуру и устройство системы таких классов в конкретном языке. Блевинс исходит из концепции “словесно-парадигматической” морфологии [Mathews 1991: 191 ff.; Плунгян 2000: 72 и сл.], постулирующей в качестве основных единиц морфологического уровня не морфему, а слово (лексему и словоформу) и парадигму. Понятие экономии при таком подходе основано на гипотезе, что полная парадигма лексемы может быть построена на основе всего одной исходной формы (leading form). Словоизменительные системы, где для каждой лексемы имеется лишь одна исходная форма, обладают свойством лексической экономии (lexical economy), а системы, где исходные формы всех лексем имеют одну и ту же грамматическую характеристику (например, “номинатив единственного числа”), являются лексически связными и (lexically congruent). Основной эмпирической проблемой, с которой сталкивается любая теория морфологии, исследующая словоизменительные классы, заключается в том, что, как правило, реальные системы склонения не являются ни лексически экономными, ни, тем более, лексически связными. Следует ли, однако, из этого, что понятие экономии вообще неприменимо к словоизменительным типам?

Вслед за другими исследователями Блевинс отвечает на этот вопрос отрицательно и критически анализирует ряд работ Э. Карстейрса-МакКарти [Carstairs 1987; Carstairs-McCarthy 1994], сформулировавшего наиболее влиятельную на настоящий момент теорию парадигматической экономии. Основная слабость концепции Э. Карстейрса-МакКарти, по мнению Блевинса, заключается в том, что она, во-первых, кладет во главу угла понятие словоизменительного аффикса, отвлекаясь от таких морфологических различий, как непредсказуемые чередования в основе (например, немецкий умлаут), а во-вторых, содержит ряд логических противоречий (в частности, при объединении парадигм в более крупные “макропарадигмы”).

Основной тезис Блевинса заключается в том, что для адекватного и непротиворечивого анализа словоизменительных парадигм и применения к ним понятия экономии, необходимо отказаться от, казалось бы, оправдавшей себя практики деления словоформ на “основы” и “аффиксы” и рассматривать парадигмы как

<sup>1</sup> Далее ИГ. Я сознательно не хочу вдаваться в различия между понятиями ИГ и “группа детерминатора”, введенного в известной работе [Abney 1987]; см. подробнее [Тестелец 2001: 567–569].

структурированные множества словоформ, а не собрания аффиксов, снабженных теми или иными пометами (например, информацией о словоизменительном классе, которая, фактически, является побочным продуктом морфемного членения, своего рода “инструкцией по сборке” разделенных на части словоформ). При таком подходе “словоизменительный класс” как особый тип информации, лексически закрепленный за данной лексемой (например, в ее “синтактике”, как в модели И.А. Мельчука [Мельчук 2000: 195–198]), вообще оказывается избыточным, поскольку информация о словоизменении лексемы может быть непосредственно выведена из формальных и/или содержательных характеристик ее исходной формы. Так, полные парадигмы русских слов “1-го склонения” (*комната, газета*) или “2-го склонения” (*стол, слово*) могут быть построены по соответствующим исходным формам безо всякой апелляции к информации о типе склонения. Важнейший вопрос в связи с этим заключается, как уже отмечалось выше, в том, обладает ли данная система (например, русская или подробно анализируемая в статье эстонская) свойствами лексической экономии или даже лексической связности. Хотя некоторые аспекты проводимого Блевинсом анализа конкретного материала можно подвергнуть сомнению или уточнению, данная работа имеет большую теоретическую ценность и открывает новые пути исследования словоизменения.

Известный немецкий морфолог-генеративист Г. Мюллер в своей статье “On decomposing inflection class features: Syncretism in Russian nominal inflection” (“О декомпозиции словоизменительных классов: синкретизм в русском именном словоизменении”) также обращается к вопросу о статусе словоизменительных классов в грамматической системе. Материалом для исследования, проводимого в русле традиционного морфемного анализа, служит склонение русских существительных, в особенности имеющиеся в нем разнообразные случаи синкретизма. При анализе синкретизма Мюллер придерживается следующего принципа: при прочих равных условиях, тождество формы предполагает тождество функции. Тем самым, синкретизм возможен лишь тогда, когда соответствующие клетки парадигмы имеют какие-либо общие признаки. Следование указанному принципу с необходимостью влечет декомпозицию имеющихся в русском языке падежей и словоизменительных классов на более абстрактные признаки. Для падежей [Bierwisch 1967] это “субъектность” [±subj], “управляемость” [±gov] и “кос-

венность” [±obl]. Представление шести основных падежей<sup>2</sup> русского языка в терминах этих признаков см. в таблице 1.

Таблица 1

Декомпозиция русских падежей

|                |                     |
|----------------|---------------------|
| Номинатив      | [+subj, –gov, –obl] |
| Аккузатив      | [–subj, +gov, –obl] |
| Датив          | [–subj, +gov, +obl] |
| Генитив        | [+subj, +gov, +obl] |
| Инструменталис | [+subj, –gov, +obl] |
| Локатив        | [–subj, –gov, +obl] |

В качестве мотивировки именно такого “разложения” русских падежей Мюллер приводит лишь не очень убедительные аргументы общетеоретического характера. Например, остается непонятным, почему именно творительный, а не дательный падеж является “субъектным” в русском языке, при том, что второй может оформлять “неканонические” подлежащие (например, в безличных конструкциях типа *мне холодно*), а первый не может.

Для представления четырех выделенных им в русском языке основных типов склонения Мюллер использует лишь два абстрактных признака [±α] и [±β], до определенной степени связанных с родом (ср. таблицу 2).

Таблица 2

Декомпозиция русских склонений

|                    |          |                    |          |
|--------------------|----------|--------------------|----------|
| тип <i>завод</i>   | [+α, –β] | тип <i>тетрадь</i> | [–α, –β] |
| тип <i>комната</i> | [–α, +β] | тип <i>место</i>   | [+α, +β] |

Декомпозиция падежей и типов склонения позволяет приписывать падежно-числовым флексиям неполный набор признаков, совместимый одновременно с несколькими падежами и/или типами склонения, см. таблицу 3, а также предсказать, что случаи синкретизма, затрагивающие падежи или классы, не имеющие общих признаков (например, номинатив и датив или тип *место* и тип *тетрадь*), невозможны.

<sup>2</sup> Партитив (“второй родительный”) и локатив (“второй предложный”) Мюллер вообще игнорирует.

**Признаки русских именных флексий  
единственного числа**

|                   |                                 |
|-------------------|---------------------------------|
| /oj/              | {[-α, +β], [+subj, -gov, +obl]} |
| /ju/              | {[-α, -β], [+subj, -gov, +obl]} |
| /om/              | {[+α], [+subj, -gov, +obl]}     |
| /e <sub>1</sub> / | {[-α, +β], [-subj, +obl]}       |
| /e <sub>2</sub> / | {[+α], [-subj, -gov, +obl]}     |
| /o/               | {[+α, +β], [-obl]}              |
| /Ø/               | {[-β], [-obl]}                  |
| /i/               | {[-α], [+obl]}                  |
| /u/               | {[-subj, +gov]}                 |
| /a/               | { }                             |

Как видно из таблицы, в русском языке имеется лишь два окончания, полностью специфицированных по признакам падежа и словоизменительного класса, – флексии творительного падежа “женских” типов склонения. Все остальные показатели в той или иной степени недоопределены по одному или нескольким признакам; так, показатель *-ом/-ем* встречается в творительном падеже слов мужского и среднего рода, показатель *-е<sub>1</sub>* – в дативе и локативе лексем типа *комната*, а показатель *-а* вообще не имеет никаких признаков, что соответствует его сравнительно случайному распределению по парадигмам (номинатив в типе *комната* и генитив в типах *завод* и *место*).

Проблема, сразу встающая при таком подходе к словоизменительным показателям, – совместимость разных аффиксов с одними и теми же клетками парадигмы. Почему, например, не имеющий вообще никаких признаков и, тем самым, потенциально способный оформлять любой падеж в любом типе склонения показатель *-а* появляется лишь в ограниченном и строго определенном наборе клеток парадигмы? Ответ на этот вопрос дает так называемое условие специфичности (specificity condition): при прочих равных условиях, из двух показателей, совместимых с одной и той же клеткой в парадигме, выбирается более специфичный, т.е., неформально говоря, имеющий больше признаков. Условие специфичности предсказывает, что, например, хотя флексии *-е<sub>1</sub>* с набором признаков {[-α, +β], [-subj, +obl]} и *-и* с набором признаков {[-α], [+obl]} обе совместимы с дативом и локативом обоих “женских” склонений, именно *-е<sub>1</sub>*, как более специфичный показатель, оформляет датив и локатив в типе *комната*, “вытесняя” из этих клеток менее специфичный аффикс.

Единственные два случая синкретизма, которые не могут быть описаны в терминах недоопределенных показателей и условия специфичности – (i) совпадение флексий датива-локатива в типе *комната* и локатива в типах *стол* и *место* и (ii) совпадение аккузатива с номинативом или генитивом в зависимости от одушевленности в типе *стол*. Первый из указанных случаев синкретизма Мюллер трактует как единственную в русском именном словоизменении лексическую омонимию показателей. Более интересен второй случай. Мюллер показывает, что совпадение винительного падежа с родительным не может быть описано в указанных выше понятиях, поскольку эти падежи не образуют естественного класса (их объединяет лишь признак [+gov], который они, однако, разделяют с никогда не совпадающим ни с одним из них дативом). Для описания этого случая синкретизма он использует аппарат “ссылочных правил” (rules of referral), разработанный А. Звики [Zwicky 1985; Stump 1993; 2001; Корбет, Фрэзер 1993]. Ссылочное правило сообщает о том, что в определенном контексте вместо ожидаемого показателя должен появиться другой, также строго определенный. Ссылочное правило для данного случая синкретизма выглядит так (запись I{...} означает “наиболее специфичный показатель, совместимый с набором признаков { }”):

$$I\{[+α, -β], [-subj, +gov, -obl]\} \rightarrow \\ \rightarrow I\{[+α, -β], [+subj, +gov, \\ +obl]\} / [+одушевленность]$$

Аналогичным образом Мюллер анализирует и подсистему склонения во множественном числе.

В заключение своей статьи Мюллер обращается к вопросу о статусе введенных им признаков словоизменительных классов  $[\pm\alpha]$  и  $[\pm\beta]$ . Они представляют собой проблему потому, что, с одной стороны, при таком подходе к словоизменению эти признаки оказываются необходимыми, а, с другой стороны, они явным образом не играют никакой роли вне морфологии; иными словами, в терминах “минималистской программы” [Chomsky 1995, 2000; Тестелец 2001: гл. XIII] они не и н т е р п р е т и р у е м ы в синтаксисе и должны быть стерты из представления словоформы к тому моменту, как она попадет в синтаксический компонент, аналогично семантически или фонологически неинтерпретируемым признакам, стираемым в синтаксисе. Развивая эту аналогию, Мюллер предлагает рассматривать флективное словоизменение так же, как передвижение составляющих в синтаксисе, которое, с точки зрения “минимализма”, является сред-

ством удаления неинтерпретируемых признаков. Более того, так же, как операции передвижения может быть предложено функциональное обоснование в терминах коммуникативной структуры, словоизменятельные классы, по мнению Мюллера, в конечном итоге, – не недостаток системы языка, а “хороший компромисс между эксплицитностью (позволяющей просто определить грамматическую функцию ИГ) и экономией (агглютинативные словоизменения порождает словоформы более сложной структуры, нежели флективное)” (с. 222).

Статья немецкого морфолога и типолога А. Ортмана “A factorial typology of number marking in noun phrases: The tension between economy and faithfulness” (“Факторная типология выражения числа в именных группах: конфликт между экономией и иконичностью”) посвящена тому, как языки маркируют числовые противопоставления в пределах ИГ, и выполнена в рамках теории оптимальности (Prince, Smolensky 1993). Коротко остановимся на основных положениях этой концепции (см. также [Тестелец 2001: 651–654]). Основная идея теории оптимальности заключается в том, что универсальные принципы и ограничения, регулирующие грамматику разных языков, допускают исключения. При этом для каждого конкретного языка существует определенное ранжирование релевантных для него ограничений. Языковые структуры, нарушающие ограничения с более высоким рангом, оказываются менее приемлемыми или вовсе неграмматичными по сравнению с теми, что нарушают более слабые ограничения. Два типа ограничений, релевантных для обсуждения данной статьи, – ограничения *экономии*, запрещающие поверхностное выражение тех или иных значений, и ограничения *иконичности* [так называемой “верности” (faithfulness)], напротив, требующие, чтобы соответствующие признаки были реализованы на “поверхностном” уровне. Взаимодействие разных конкретных ограничений этих двух типов и приводит к наблюдаемому типологическому разнообразию.

Ортман рассматривает материал более десяти языков разных семей и выявляет два основных типа маркирования числа в ИГ: так называемый “английский тип”, где множественное число должно быть выражено, даже когда в ИГ есть числительное, уже указывающее на множественность референтов, и так называемый “венгерский тип”, где множественное число и числительные несоместимы. Другие важные параметры типологического варьирования – наличие согласования по числу внутри ИГ, локус выражения числа – вершина ИГ или ее периферия (как, например, в тагальском

языке, где показатель множественности *mta* стоит у левой границы ИГ, а вершина – у правой) и зависимость выражения множественности от референциальных свойств ИГ (так, в персидском и турецком только референтные ИГ различают числа).

Возможные типы реализации категории числа в ИГ (за исключением вариативности по последнему из указанных только что признаков) могут быть описаны при помощи разных ранжирований следующих ограничений: \*PL(DP), запрещающего выражать грамматическую множественность, MAX(PL), напротив, требующего выражения этого признака на каждом элементе ИГ, EXPRESSPLURALITY, гласящего, что семантический признак множественности должен быть отражен в ИГ, MAX-HEAD(PL), требующего выражать множественность на вершине ИГ, и ALIGN(PL, L/R, DP, L/R), запрещающего выражать множественность иначе, нежели на левой или на правой периферии ИГ. Рассмотрим, как различные ранжирования этих ограничений описывают разные типы выражения множественности. В “английском типе”, где грамматическая множественность маркируется даже при наличии в ИГ числительного, ограничение иконичности MAX-HEAD(PL) выше в ранге, чем ограничение экономии \*PL(DP); напротив, “венгерский тип”, где наличие числительного исключает показатель множественности, описывается противоположным ранжированием этих ограничений. В языках “английского типа” без согласования по числу внутри ИГ (тамилский) ограничение \*PL(DP) оказывается выше в ранге, чем MAX(PL); обратное ранжирование наблюдается в языках с согласованием, например, в немецком. Также теория предсказывает, что в языках “венгерского типа”, где ограничения иконичности ранжированы ниже, чем \*PL(DP), атрибутивные прилагательные никогда не будут согласовываться по числу, поскольку в противном случае показатели множественности появлялись бы и при числительных (доказать это утверждение можно путем несложной логической операции). Наконец, в языках, где множественность выражается на периферии ИГ (правой, как в баскском, или левой, как в тагальском), а не на вершине, ограничение ALIGN(PL, L, R, DP, R), или, соответственно, ALIGN(PL, L, DP, L), имеет ранг более высокий, чем MAX-HEAD(PL).

Таким образом, теория оптимальности позволяет единообразным и весьма изящным образом описать различные типы маркирования множественного числа в ИГ, наблюдаемые в языках мира, и сделать некоторые интересные предсказания о том, какие типы выражения числа возможны, а какие нет.

Из вошедших в сборник работ, обращающихся к проблеме распределения падежно-числовых показателей в именных группах немецкого языка, имеет смысл подробнее остановиться на статье В. Штернефельда “Feature checking, case, and agreement in German DPs” (“Проверка признаков, падеж и согласование в немецкой именной группе”). Как известно, появление падежного показателя на существительном в немецком языке регулируется сложными правилами, апеллирующими к контексту всей ИГ, ср. следующие примеры:

(1) Аккузатив

a. *ein Orchester ohne Dirigent/\*Dirigenten* ‘оркестр без дирижера’

b. *ein Orchester ohne eigen-en Dirigent/\*Dirigent* ‘оркестр без собственного дирижера’

(2) Датив

a. *ein Schiff aus Holz/\*Holze* ‘корабль из дерева’

b. *ein Schiff aus hart-em Holz/Holze* ‘корабль из твердого дерева’

(3) Генитив

a. *die Verarbeitung d-es Holz-ēs* ‘обработка дерева’

b. *\*die Verarbeitung Holz-(es)* ‘то же’

c. *die Verarbeitung tropisch-en Holz-es* ‘обработка тропического дерева’

Данные примеры иллюстрируют общую закономерность, выявленную в работах [Gallmann 1996; 1998], согласно которой падежный показатель на вершине ИГ в немецком языке может появляться лишь тогда, когда в ИГ есть падежнооформленный препозитивный элемент (прилагательное или детерминатор). При этом некоторые суффиксы (*-en* в косвенных падежах ‘слабого’ склонения или в принципе факультативное *-e* в дативе ‘сильного’ склонения) в отсутствие такого ‘поддерживающего’ элемента могут быть опущены без нарушения грамматичности, а другие (показатель генитива единственного числа или дативамножественного числа) обязательны и потому не могут появляться в ИГ без зависимых элементов.

В. Штернефельд предлагает анализ этих фактов в терминах теории проверки признаков, разработанной в рамках ‘минималистской’ программы. Основная идея этой теории заключается в том, что лексические и грамматические показатели, занимая отдельные узлы в синтаксической структуре и обладая наборами определенных признаков, соединяются друг с другом, элиминируя совпадающие неинтерпретируемые на том или ином уровне (в данном случае нас интересует только морфологический уровень) признаки. Так, слово *Steuern* ‘налоги (DAT.PL.FEM)’ порождается следующим образом: основа *Steuer* имеет лексически-специфицированные признаки [FEM] (женский

род, интерпретируемый признак) и [*n*-DATIVE] (неинтерпретируемый признак словоизменительного класса); флексия *-(e)n* содержит интерпретируемые признаки [DAT.PL] и неинтерпретируемый признак [*n*-DATIVE]. При соединении основы и аффикса совпадающие неинтерпретируемые признаки ‘взаимоуничтожаются’ и стираются. Не вдаваясь в дальнейшие и весьма сложные подробности анализа, предлагаемого В. Штернефельдом, укажу на то, что, по моему мнению, стремление единообразно описать и объяснить явления синтаксиса и морфологии приводит к весьма нежелательным результатам для обоих компонентов грамматики. В частности, практически бесконтрольное ‘размножение’ неинтерпретируемых признаков и допущений касательно их природы и поведения, необходимых лишь для того, чтобы отразить все рассматриваемые факты, идет в разрез с самой методологией ‘минималистской программы’, стремящейся сделать технический аппарат теории как можно более компактным и требующим как можно меньшего числа ‘локальных’ допущений.

Сборник заключает статья видного немецкого морфолога, типолога и семантиста Д. Вундерлиха “Is there any need for the concept of directional syncretism?” (“Есть ли необходимость в понятии ‘направленного синкретизма?’”), где обсуждается классификация случаев синкретизма, предложенная недавно американским морфологом Г. Стампом (см. монографию [Stump 2001] и рецензию на нее [Аркадьев 2004]), в частности, понятие ‘направленного синкретизма’ (т.е. такого, который описывается при помощи ‘ссылочных правил’). Материалом для исследования Вундерлиха послужило русское именное словоизменение, а защищаемая им точка зрения заключается в том, что аппарат ‘ссылочных правил’ и, следовательно, основанное на нем понятие ‘направленного синкретизма’ должны быть исключены из морфологической теории. Аргументы в пользу такого вывода заключаются в том, что, во-первых, ‘ссылочные правила’, по мнению Вундерлиха, ‘не имеют психологической реальности’ (с. 390; правда, в защиту этого утверждения автор, как нередко бывает, не приводит ни эмпирических данных, ни библиографических ссылок), и, во-вторых, все случаи направленного синкретизма могут быть переформулированы в терминах уже знакомого нам по статье Г. Мюллера аппарата признаков и недоспецификации. Интересно, что, анализируя синкретизм аккузатива с номинативом или генитивом в зависимости от одушевленности, Вундерлих приходит к выводу, диаметрально противоположному заключению Мюллера: этот случай синкретизма,

как и все остальные, может быть описан в терминах общих признаков омонимичных падежей (правда, для этого описания Вундерлиху требуется формальный аппарат существенно более сложный, чем Мюллеру, и помимо декомпозиции значений падежей он использует также механизм теории оптимальности, существенно расширяющий возможности описания, но в равной пропорции ослабляющий его объяснительную силу). Следует отметить, однако, что аргументы, которые Вундерлих приводит против аппарата “ссылочных правил”, представляются малоубедительными, а его анализ данных русского языка адекватным лишь с описательной точки зрения, но никак не с объяснительной, хотя бы потому, что значительная часть оптимально-теоретических ограничений, им предлагаемых, является попросту переформулировкой соответствующих фактов и, тем самым, ничего не объясняя, создает порочный круг. Здесь снова приходится констатировать, что стремление дать единообразное описание явлениям, по своей природе не вполне регулярным, приводит к тому, что такие описания по своей сложности существенно превосходят свой объект.

В сборник также включены следующие статьи: А. Алексиаду “Inflection class, gender and DP internal structure” (“Словоизменяемые классы, род и внутренняя структура именной группы”), где на материале ряда языков критически рассматривается и опровергается гипотеза о том, что в структуре ИГ отдельным вершинам в дереве составляющих соответствуют не только такие семантически и синтаксически наполненные категории, как число и детерминация (референтный статус), но также и такие “ингерентные” категории, как род и словоизменяемый класс; П. Айзенберг и У. Заяц “Left of number. Animacy and plurality in German nouns” (“Слева от числа. Одушевленность и множественность у немецких существительных”), анализирующая набор и порядок следования продуктивных именных словообразовательных показателей в немецком языке в терминах понимаемых предельно широко понятий “множественность” и “одушевленность”; П. Гальман “Feature Sharing in DPs” (“Распределение признаков в ИГ”), посвященная анализу разнообразных явлений синкретизма в немецкой ИГ и описывающая их при помощи весьма причудливого конгломерата формализмов одной из версий теории парадигм, “минималистской программы” и теории оптимальности; П. Карновский и Ю. Пафель “A topological schema for noun phrases in German” (“Топологическая модель немецкой ИГ”), где демонстрируется, как довольно простой и “приблизженный к реальности” формализм может пролить

свет на лексические, грамматически и синтаксические категории, составляющие именную группу в немецком языке; Р. Тироф “Feminine vs. non-feminine noun phrases in German” (“Именные группы женского и неженского рода в немецком языке”), где аргументируется точка зрения, что сложное и на первый взгляд нерегулярное поведение падежно-числовых показателей на элементах ИГ в немецком языке может быть объяснено, если предположить, что в некоторый момент истории языка моделью для организации ИГ стали ИГ с вершиной – лексемой женского рода; Б. Визе “Categories and paradigms. On underspecification in Russian declension” (“Категории и парадигмы. О недоопределенности в русском склонении”), где предлагается еще один подход к случаям синкретизма в русском именном словоизменении; основное достоинство этой статьи заключается в том, что ее автор рассматривает существенно более полную картину русского склонения, нежели Мюллер и Вундерлих, и оперирует признаками несколько менее абстрактного свойства; тем не менее, с теоретической точки зрения эта работа, как кажется, представляет меньшую ценность.

В заключение хочется отметить, что все статьи рецензируемого сборника, несмотря на то, что с аргументами и выводами их авторов далеко не всегда можно согласиться, весьма интересны как фактами, рассматриваемыми в некоторых из них, так и предлагаемыми в них теоретическими построениями. Ценность научной работы нередко заключается не в убедительности предлагаемой в ней трактовки некоторого явления, а в вопросах, которые задает ее автор, и которые, прочтя эту работу, задаст внимательный читатель.

К сожалению, приходится отметить, что количество опечаток в сборнике весьма велико и нередко затрудняет понимание текста. В сборнике имеется довольно полный указатель терминов, включающий, среди прочего, используемые авторами формальные понятия.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аркадьев 2004 – П.М. Аркадьев. – ВЯ. 2004. № 2. – Рец.: G.T. Stump. Inflectional morphology. Cambridge, 2001.
- Зализняк 1967/2002 – А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967. (2-е изд. М., 2002).
- Корбетт, Фрэзер 1997 – Г.Г. Корбетт, Н.М. Фрэзер. Компьютерная лингвистика и типология. // Вестник Московского Университета. Серия 9. Филология. 1997. № 2.
- Мельчук 2000 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. III. Ч. 3: Морфологиче-

- ские средства. Ч. 4: Морфологические синтактики. М., 2000.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Abney 1987 – S.P. Abney. The English noun phrase in its sentential aspect. PhD Thesis. Cambridge (Mass.), 1987.
- Bierwisch 1967 – M. Bierwisch. Syntactic features in morphology: general principles of so-called pronominal inflection in German // To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday. V. I. The Hague; Paris, 1967.
- Carstairs 1987 – A. Carstairs. Allomorphy in inflexion. London, 1987.
- Carstairs-McCarthy 1994 – A. Carstairs-McCarthy. Inflection classes, gender, and principle of contrast // Language. 1994. V. 70. № 4.
- Chomsky 1995 – N. Chomsky. The minimalist program. Cambridge (Mass.), 1995.
- Chomsky 2000 – N. Chomsky. Minimalist inquiries: The framework // Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik / Ed. by R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka. Cambridge (Mass.), 2000.
- Gallmann 1996 – P. Gallmann. Die Steuerung der Flexion in der DP // Linguistische Berichte. Bd. 164. 1996.
- Gallmann 1998 – P. Gallmann. Case underspecification in morphology, syntax and the lexicon // Possessors, predicates and movement in the Determiner Phrase / Ed. by A. Alexiadou, C. Wilder. Amsterdam; Philadelphia, 1998.
- Matthews 1991 – P.H. Matthews. Morphology. 2-nd ed. Cambridge, 1991.
- Prince, Smolensky 1993 – A. Prince, P. Smolensky. Optimality theory: Constraint interaction in generative grammar. Manuscript. Rutgers University, 1993.
- Stump 1993 – G.T. Stump. On rules of referral // Language. 1993. V. 69. № 3.
- Stump 2001 – G.T. Stump. Inflectional morphology. A theory of paradigm structure. Cambridge, 2001.
- Zwicky 1985 – A. Zwicky. How to describe inflection // Proceedings of the 11-th annual meeting of the Berkeley linguistics society. Berkeley, 1985.

П.М. Аркадьев